4-й ГОД ИЗДАНИЯ
№ 11
ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

МАРТ Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Телефон редакции и конторы 5-49-78. 1926 ГОД

„В ОГОРОДЕ БУЗИНА, В КИЕВЕ ДЯДЬКА"

Рис. В. Козлинского

— Как силен еще религиозный дурман в деревне! Смотрите, товарищ, какой громадный крест к своей постройке привесил несознательный крестьянин!

АВТО-КЕФАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ

Рис. Ив. Малютина

Римский Папа приобрел открытый автомобиль. (Из газет.)

МЕХАНИЗАЦИЯ БЛАГОДАТИ

ЧЕЛОВЕК В ДЫРЯВЫХ ГАЛОШАХ

(Вокруг франко-советской конференции.)

Тучи мрачно небо хмурят. Дождик. Слякоть. Плеск шагов.
Перед зданием дежурит бедный бледный Маклаков.

В это здание когда-то—под узорный потолок—
Собирались дипломаты на бонтонный файв-о-клок.

И на шелковых отливах кресел в стиле рококо
Говорили о проливах так небрежно и легко.

Были в приговорах смелы, громким верили словам
И делили Дарданеллы: крепость—нам и крепость—вам.

А теперь—пришли иные. И толкуют об ином.
Заливают заливные историческим вином.

То да се, да тары-бары, да друзья, а не враги...
Тут и банки, и товары, и кредиты, и долги!

Маклакову-ж не до банков. Дождик. Капля на носу.
А калоши—двести франков! А в кармане—десять су!

Эх, когда-бы к ним проникнуть, заглушить потоки слов,
Да прикрикнуть, да пригикнуть на полпредов и послов,

Да порвать бесстыдных бредней нескончаемую нить—
Да замешкаться в передней и... галоши обменить!

Желчный поэт

УТЕШЕНИЕ

— Батюшки, опоздала! Ой, горе мое, опоздала к почтовому! Ушел!!

— Не горюй, тетка, зато к скорому за десять часов до отхода пришла.

КАЛЬСОНЫ

(Искусство жить)

Старуха Чикина была крепкая, городом насквозь прокаленная. Она уж забыла, как в деревнях скрипят ворота, как, позвякивая, вздымая пыль, вечерами возвращаются с пастбищ коровы; и трамвайные звонки, гудки автомобилей уже были привычны ей, привычнее чем блеяние телят и овец.

С шестнадцати лет служила она в Москве по фабрикам, а сейчас, в 1926 году, жила она с сыном в Хамовническом районе, дотягивая свой век уборщицей на „Красной Заре".

Как-то, в одну из получек, пошла она в трест купить сыну полотна на кальсоны.

— Чисто поизносился весь! С голым задом ходит!..

Приказчик наворошил полный прилавок материи и выхвалялся:

— Полотно-с! Лучше не найти! Век будете носить и помнить!..

— Да не мне это,—сыну на кальсоны!..

— Все равно—и сын будет век помнить! Прикажете отрезать, мамаша?..

И, заметив вошедшую хорошо одетую даму, оставив старуху, бросился к новой покупательнице. Старуха недовольно пофыркала носом, оглядела еще раз полотно и взяла на две пары кальсон.

Вечером она надела очки и, ругая беспрестанно рвавшиеся нитки, начала шить кальсоны.

— Полотно-то, как сахарное. Мелу, что-ли, в его много пускают?—опасливо вглядывалась она в покупку.

В воскресенье сын надел новые кальсоны.

— Ну как?

— Ничего, мамаша, хорошо! Только холодят они чего-то...

— Это от мелу. Обносятся...

А завтра, на работе, нагнувшись, сын услышал подозрительный треск.

Не кальсоны ли?

Пошел в уборную. Действительно: треснули на коленке.

Весь день сын ходил осторожно, опасаясь за кальсоны. И все-таки вечером, когда сел с матерью обедать, он почувствовал как треснули они и на заду.

— Кальсоны-то, мамаша, того...—признался он матери.

Старуха всплеснула руками.

— Снимай, снимай! Ну-ка, снимай их!..

Посмотрела и очки надевать не стала.

— Вот черти! Ах, какой товар выпускают! Ну, погодите же, я их припеку!..

— В газете стенной разве продернуть?—посоветовал сын.

— В газете?—фыркнула старуха.—Нет! Я их к Троцкому понесу, пущай он видит какое качество!..

— Ко-му?.

— К Троцкому! — старуха решительно хлопнула ладошкой по столу.

— Вы бы, мамаша, их хоть выстирали...

— Никчему!—не сдавалась старуха.—Еще скажут: нарочно размахрила дыры...

Утром старуха забрала кальсоны и поехала к товарищу Троцкому.

— Куда?—спросили ее у входа.

— К товарищу Троцкому, с кальсонами!

— Нельзя! У него сейчас доклад о Днепрострое...

— Днепрострой, батюшка, обождет, а вот как без низиков народу ходить: это дело поспешнее!..

Вышел тут товарищ Троцкий, оправил пенсне, а старуха на стол зеленого сукна разложила кальсоны и все описала, как было...

А на завтра...

На завтра старуха еще не проснулась, как слышит—стоит у ее окна автомобиль и фырчит с полного хода:

— Фырк, фырк, фырк...

В дверь стучат:

— Здесь товарищ Чикина живет?

Входит гражданин в очках роговых и говорит:

— Я заведующий трестом! Очень извиняюсь, что вам продали плохой товар! Едемте к нам, выберете получше!..

А в тресте, как приехала старуха, шопоток только пошел:

— Эта к Троцкому-то ездила?..

— Эта...

И приказчики все разоряться стали:

— Вот, товарищ Чикина, возьмите сукна, шевиот-с на кальсоны! Крепче железа!

— Сукна? Да ведь это сопреть можно...

Предлагают все старухе, не требуя и платы. К чести Чикиной надо сказать: взяла она на обмен бязи, и все.

* * *

Читатель удивится, пожалуй, скажет выдумываете вы! Ничего не выдумываем. Было это все, а мы только, вроде транспоранта, подложили его и переписали покрасивее. А про самый факт, как он был, в „Экономической Жизни" можете прочесть.

Что до вывода—вывод такой:

Башкой надо жить, граждане! Ногами не проживешь: стойте полдня на ногах в мануфактурной очереди, а потом дрянь какую нибудь получите! Только — надо какие-то другие пути искать! Не посылать же, в самом деле, все кальсоны товарищу Троцкому?!.

Вл. Тоболяков

СТАРИКИ

— А Ефимыч теперича по-царски живет.

— Как это?

— Одним сторожем на весь дворец: 500 сажень на его душу приходится!..

СПОРТ

— Читали: состоятся междугородные футбольные состязания—Киев-Москва?

— Ничего себе! Будет, где мяч погонять: чать от Киева до Москвы 1000 верст!

ШКОЛЬНОЕ

— Сидоров! „Да, тяжела ты, шапка Мономаха!" Откуда это по-вашему?

— Из Ленинградодежды, вероятно.

В ДЕТСКОМ „САДУ"

Рис. Л. Бродаты

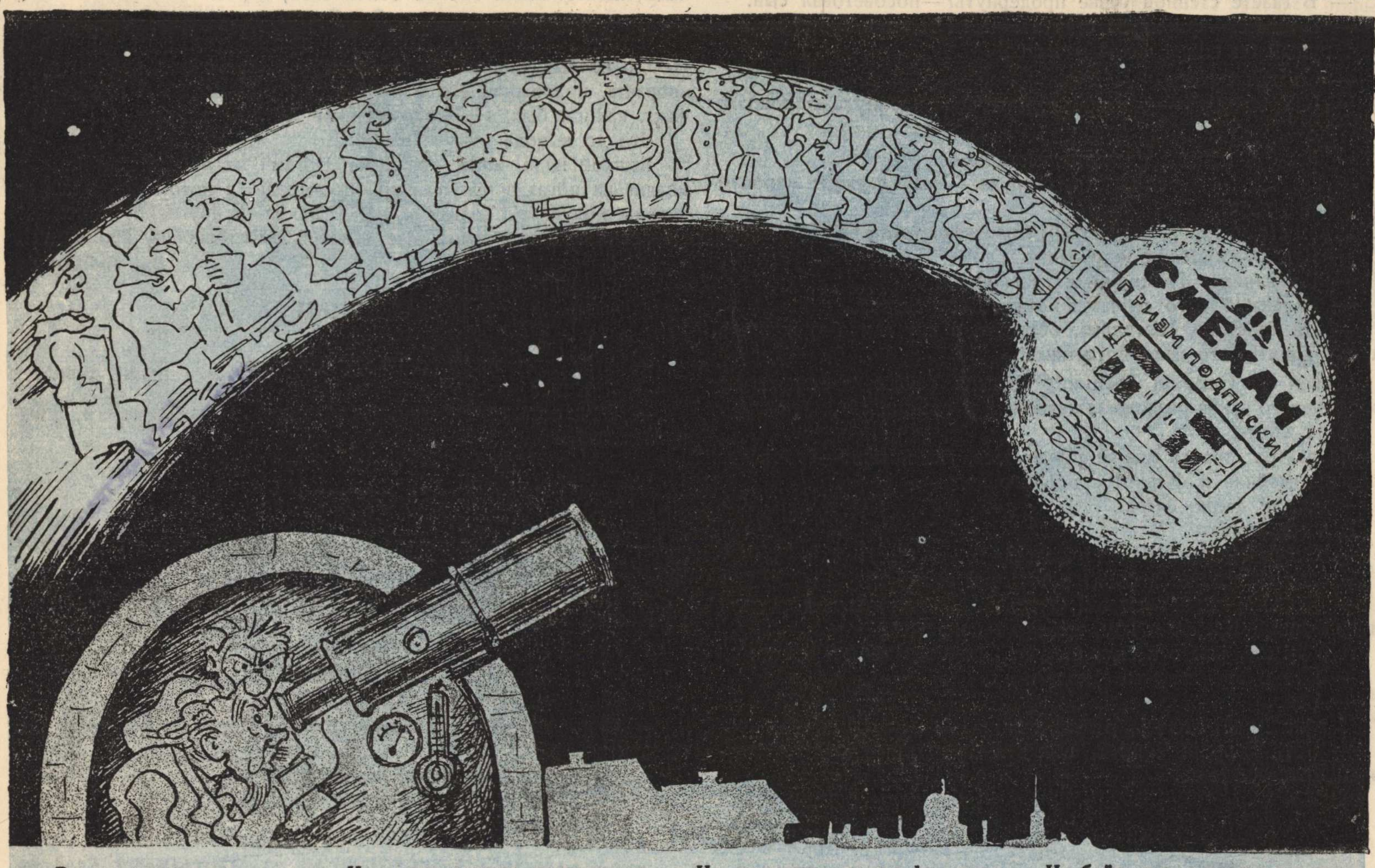

— А это вот дети—так сказать, цветы жизни!
— А не находите вы, что эти цветы очень уж у вас распустились.

ЗАГАДКИ ПРИРОДЫ

Рис. Н. Радлова.

Вы думаете, это— Комета!

И впрямь вопрос очень прост: У нее—хвост!

Но, товарищи, этот феномен натуры Не из астрономии, а из литературы.

Не бейтесь над решением простейшей из задач: Это — хвост подписчиков на „Смехач“.

На год—6 р.; на полгода—3 р. 20 к.; на 3 месяца—1 р. 70 к.; на месяц—60 коп.

ИНОСТРАНЕЦ

У молодого актера Задувайского за границей была тетка. Шесть лет не было о ней ни слуху, ни духу, и вдруг, как снег на голову, свалилась Задувайскому большая посылка.

В посылке оказалось пальто и фетровая шляпа. Пальто было самое моднейшее: узко в талии, наватно в плечах и с хлястиком сзади. Шляпа была широкополая, с лихо загнутыми концами, прекрасного мышиного цвета.

Когда Задувайский, надев присланные вещи, подошел к пыльному зеркальному шкапу в столовой—он обалдел. Навстречу мягко улыбался прекрасно одетый иностранец среднего роста. Совершенно такой же, какие бывают на кино-картинах или приезжают к нам в концессионный комитет просить какую-нибудь концессию.

Оправившись от изумления, Задувайский вышел на улицу и наслаждаясь почтительным шопотом прохожих, плавной походкой направился на Тверскую. Куда-то вдаль уплывали квалификация в союзе, неоплаченный счет за телефон и возможность халтуры во вторник. Близким и родным показался вырвавшийся из пивной немецкий фокстрот.

Той же мягкой, уверенной походкой Задувайский завернул в бельевой магазин. Хозяин и два приказчика ринулись к знатному иностранцу. Какой-то обиженный покупатель, оборванный на полуслове, сердито плюнув, пошел к выходу. Но все было напрасно: центром внимания хозяина, приказчиков и трех покупательниц—был элегантный иностранец.

— Воротнишков имела?—лениво спросил Задувайский.

В ту же секунду туча белоснежных воротничков легла на прилавок. Даже из задней комнаты выплывала хозяйка с ящичком воротничков в пухлых руках.

Задувайский долго и внимательно разглядывал воротнички. И семь пар глаз жадно и сосредоточенно следили за движениями ленивых задувайских рук.

— Нэ!—сказал он, наконец.—Нэ карош варотнишка! Ейропа не носиль! Имел другая конца на острей!

Последней фразы не понял даже сам Задувайский. Но хозяин сказал извиняющимся тоном:

— Да уж! Какой у нас товар! Слава одна!

И толстая покупательница, вспотев от усилий, добавила ломаным языком, чтобы понятнее было:

— Гельд нету! Деньга нету! Бедный стран!

Долго ходил Задувайский по городу. Заходил в магазины, фотографии, пивные. И, наконец, шикарно купил в аптеке аспирину.

К вечеру проголодавшемуся Задувайскому захотелось домашнего уюта, и он сел в трамвай.

В трамвае Задувайский произвел обычный фурор. Весь вагон принял горячее участие в покупке Задувайским трамвайного билета.

— Ахт пфе́ниг! — Кричал какой то студент, гордясь своим знанием немецкого языка.

Другие, менее образованные, просто загибали один палец за другим, громко считая до восьми. В вагоне стоял веселый дружеский шум. Кто-то: по ассоциации, начал рассказывать соседу длинную историю о том, как его шурин, будучи в плену в Германии, прекрасно научился делать охотничьи сосиски.

И вдруг, эту атмосферу дружеского международного контакта взрезал могучий одинокий голос.

— Петька!—загрохотал веселый актер Бутылкин, хлопая Задувайского по плечу.—Ты чего это таким пижоном вырядился?

В вагоне сразу стало тихо. И даже кондукторша застыла в дверях, со сдачей в руке.

— Нэ понимай русск! — пробормотал Задувайский побледневшими губами. И даже зубы заныли от нахлынувшего испуга.—Моя не понимай!

Бутылкин покатился со смеху.

— Брось, Петька, вола вертеть!—загрохотал он и вдруг сорвал с Задувайского шляпу.

Тут всех прорвало.

— Да что это, в самом деле? — кричали одни.—Не видите разве, что обознались! Да еще шляпы срываете с иностранцев! Интеллигент тоже!

— Позор какой!—кричали другие.—Чего он у себя в Германии наговорит-то теперь! Честь честью человек приехал, а тут обознались, извините за выраженье!

Ошарашенный Бутылкин сидел потрясенный. В том, что иностранец—Петька Задувайский, не могло быть сомнений. Тем более, что на иностранце были брюки Бутылкина, одолженные на прошлой неделе.

— Сволочь! — злобно подумал Бутылкин. И моментально, как это и всегда бывает, гениальная мысль осенила бутылкинскую голову. Недаром он насквозь знал Петьку Задувайского.

— Хороший матерьялец,—сказал Бутылкин как бы про-себя, дотрагиваясь до пальто Задувайского.—Только расползется быстро! Потому в нем—девяносто процентов бумаги!

— Врешь, — запальчиво сказал иностранец чистейшим московским говорком—пальтишко на ять! Не бумага это, а чистая шер...

И тут же осекся.

Но было поздно.

— Хулиган!—закричал толстый гражданин в углу.—Безобразие!

И тотчас же самые разнообразнейшие ругательства наполнили вагон.

— Шпана! Трепло! Шкет лиловый! Кобель посадский!

Под градом тяжелых, больно бивших слов, опустив голову, шел Задувайский к выходу.

А когда вагон проплывал мимо, мальчишка, сидевший верхом на колбасе, больно лягнул „иностранца“ ногой.

Ал. Нератов.

НЕСОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

> На клубной конференции один из культработников говорил: „пусть рабочий идет отдыхать в Мариинский театр, а в рабочем клубе рабочий не должен терять времени на отдых“
> (Из матерьялов пленума Лен. Губпрофсов.)

Сначала завклубом был товарищ Севосеев. С первых же дней своей работы Севосеев возносился с первого этажа в третий, низвергался с третьего во второй и летал ураганом из комнаты в комнату.

— Товарищ дорогой!—шептал Севосеев придушенным голосом в читальне:—чего вы в окно смотрите?.. Газетой бы занялись! Нельзя ведь так...

— Я, товарищ, часа полтора читал; в глазах зарябило...

— В глазах?!. У рабочего не должно никаких глаз рябить... А ежели устали, то идите во Мхат II отдыхать...

Внезапно прерывал разговор и прислушивался тревожно.

— Никак в музыкальном кружке оркестр замолчал!..

И, сломя голову, мчался в музыкальный кружок.

— Отдыхаете?.. Что? Рты болят? Никаких ртов... А ежели устали, идите в балет отдыхать... Клуб—он клуб и есть, а не дом отдыха...

И летел, хлопнув дверью, в кружок политграмоты. В коридоре натыкался на группу слушателей. Они, окружив лектора, устало попыхивали папиросами.

— Почему лекция прервана?.. Товарищ лектор, потрудитесь продолжать...

Лектор пожимал плечами.

— Помилуйте, товарищ. Я час занимался. Надо же отдых дать.

— Отдых?!. А еще пропагандист, извините... Отдыхать надо, так идите в этот... в Камерный театр, а тут клуб, товарищ. Вот что...

Оттуда летел в драмкружок.

— Почему все молчат?.. Товарищ!.. Да, да... Вам говорю, у которого борода налеплена... Вы кого играете?

— Ленский расстрел..

— Расстрел? А почему молчите?..

— Пауза тут, товарищ.

— Пауза? Никаких пауз. Ежели вам паузы нужны, идите к Мейерхольду отдыхать...

Через неделю кружки частью закрылись, частью перешли на нелегальное положение. Тайно пробираясь вдоль стен по заводскому двору, шли на задворки за старый корпус и, усевшись на стружках, беседовали. Неизвестно о чем.

Клуб опустел. Севосеева сняли.

На место Севосеева прибыл Куросупов. Куросупов объявил новый курс.

— Кто там шумит? — в ужасе кричал он, носясь по этажам:—Кто? Музыкальный кружок?.. Немедленно вон... Рабочий в клубе отдыхать должен, а вы в трубы „Буденного“ жарите...

И мчался дальше:

— Почему безобразный шум?..

— Это рев толпы, товарищ,—говорил режиссер,—драмкружок у нас...

— Все комедии-мом̆едии!.. Отдыха не даете! Довольно стыдно, товарищ!.. Рабочий 8 часов у станка, а вы—рев толпы...

А тут что? Хоровой кружок?... Ежели хотите петь, то в Мариинский театр поступайте, а не мешайте другим отдыхать...

Летел в читальню и качал укоризненно головой.

— Неужели, не видите, товарищ, что товарищ за газетой задремал?.. Видите?! Так чего же вы газетами шелестите?! Долго ли человека разбудить!.. Эх, вы!.. А еще партиец!..

Шел в кружок политграмоты.

— Зачем вы вопросы задаете? Сами рассказывайте!..

— Наш метод...

— Никаких методов!.. Ежели вам методы нужны, то идите в университет учить, а здесь клуб, отдых...

Через неделю кружки начали таять, и клуб опустел.

— Ходят?—спросил Севосеев, встретив Куросупова.

— Не ходят...

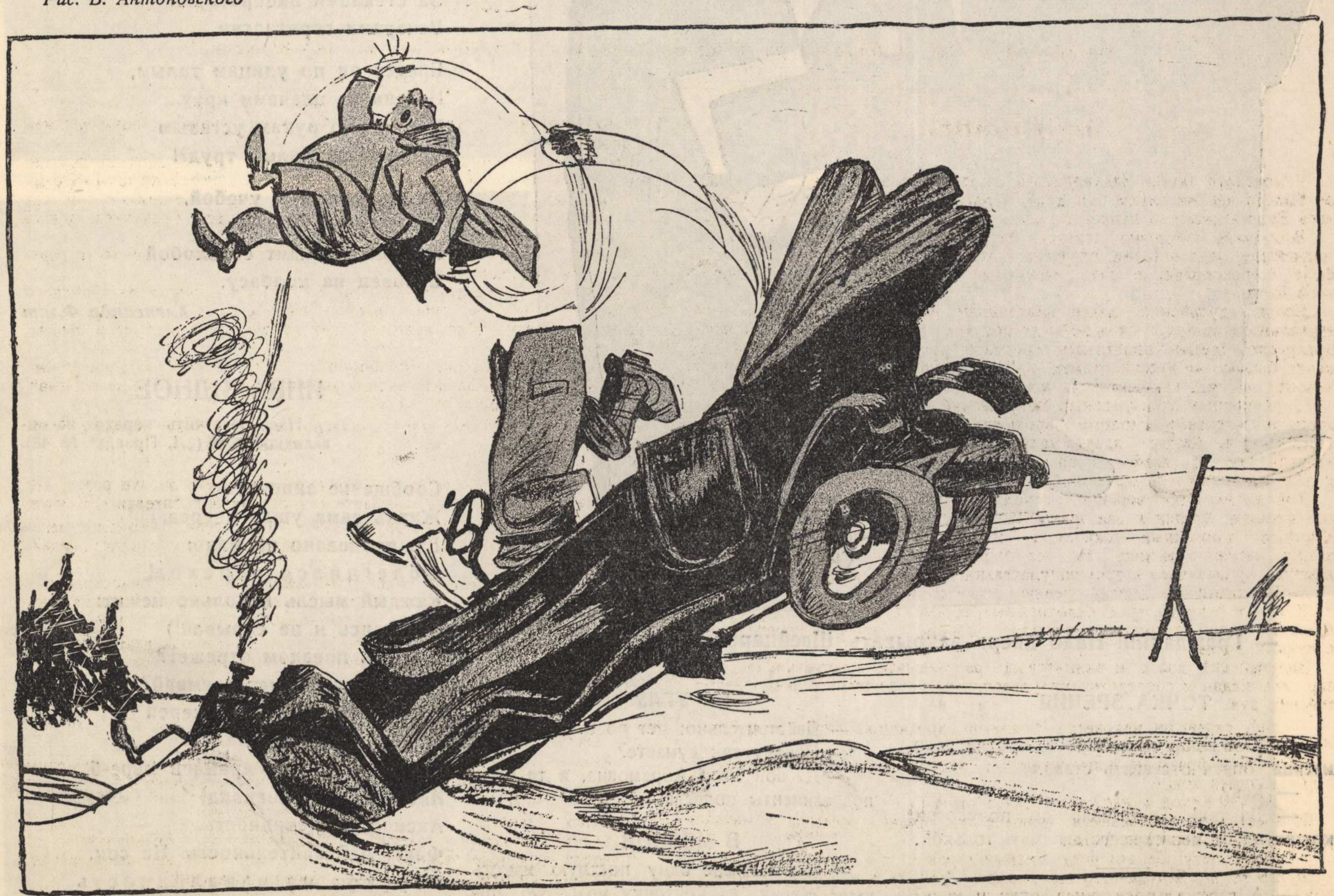
— Я так и думал. Не в нас тут дело, товарищ дорогой... Рабочий у нас еще не тово.. сознательности нет... Тьма!..

И оба вздохнули.

Р. Волжен н

ОБ ИВАНЕ ИВАНЫЧЕ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ ВСТРЯХНУТЬСЯ

Рис. Б. Антоновского

Действительно: засиживаешься на одном месте. Придумал Иван Иваныч командировочку на автомобиле: всетаки,—говорит,—встряхнешься как-то...

Ну, и встряхнулся. По нашим дорогам долго-ли?

НОВАЯ ШВЕЙЦАРИЯ

Рис. Л. Бродаты

— Гражданин! Надо двери закрывать. Швейцаров нет.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

— А Октябрьская дорога, против того месяца, опять отставать стала.

— Как?

— Да так! То бывало до полусотни крушений, а ныне всего двадцать только!..

— А где же посаженые отец и мать?

— Оба посажены: отец за кражу, а мать за шинкарство

НА УГЛУ

— Действительно: нет розы без шипов!

— Почему так думаете?

— Да вон Роза Абрамовна, и та меня под алименты подвела!

В МЯСНОЙ

— Что вы мне одну постную мякоть суете? Жирку да косточку мозговую положите.

— Виноват, у нас не Жиркость.

ПРОСТЫЕ ВЕЩИ

Возбужден в центре вопрос об ограничении учебного времени студентов 10-ю часами. (Из газет).

Вдыхаю с тобой, наука,
Великих истин букет,
Но жизнь—хитрющая штука,
Хитрей наркомпросных анкет!..

Пусть не бывают закрыты
Двери твои на засов—
Разве народ небритый
Уложишь в десять часов?

В вопрос погружаясь невинный,
Помимо научных бесед,
Я помню, что в шесть с половиной
Уходит на биржу сосед.

Он верит, что знание—факел,
Что жизнь, если зла, лягнет.
Он сердце хранит на рабфаке,
А спину под кладью гнет.

Не Вузы-ли валят валом,—
Взгяни-ка, очки надень—
Картошку грузить „навалом"
По два с полтиною в день?

Какого, скажите, спорта
Чемпион—вот этот юнец,
Покрывший от Вуза до Порта
Столицу в один конец?

Не стоит делать историй
Из того, что уходят дни—
За стеклами лабораторий
Вечерами горят огни.

Бредет он по улицам талым,
И день за плечами крут...
Как тяжко рукам усталым
Браться за милый труд?!

Учеба, конечно, учебой,
Но сила наук—навесу,
Покамест глядит со злобой
Вузовец на колбасу.

Александр Флит

ИНВАЛИДНОЕ

Надо облегчить переход на инвалидность. („Л. Правда" № 48).

Сообщенье запоздало.
Жизнь сама ушла вперед.
Да, проделано не мало:
Облегчился переход!
Каждый мысль невольно нежит:
(Не таись и не скрывай!)
Ногу-ль поездом отрежет?
Руку ль вывернет трамвай?
Или с крыши кто на череп
Глыбу снежную свалит?
Чтоб ты был, по крайней мере-б,
Инвалид, как инвалид!
Аксиома. Очевидность.
Факт. Действительность. Не сон.
Переход на инвалидность
Гениально облегчен!

Яков Годик

СВОБОДНЫЙ ДЕНЬ

Милиционерам будет предоставлено 4 дня свободных в месяце.

Было воскресенье. Милиционер Кудрякин, пост 146-ой с угла Лиговки и Просп. 25 Октября, улыбнулся последний раз зеркалу, отразившему гражданина в непривычном штатском пальто и меховой шапке, и вышел на улицу.

Вместе с толпой Кудрякин прошел мимо торговки яблоками, мужественно подавив желание тут же оштрафовать ее копеек на пятьдесят, перешел площадь, держась перпендикулярной к тротуару линии, постового милиционера обогнул справа и долго искал урну, чтобы плюнуть и бросить окурок.

Улица казалась скучной: беспатентные мальчишки, не стесняясь, предлагали ему папиросы, на трамвайной остановке трое граждан вспрыгнули на-ходу, и один из них даже при этом толкнул Кудрякина и пробормотал: „Толкутся тут без дела, прости господи." Какой-то пьяный, остановившись против Кудрякина и, любовно вспоминая маму, подробно рассказывал о достоинствах Вены и Трехгорного. В трамвай Кудрякину пришлось лезть с задней площадки. В вагоне он попытался завести разговор.

— Очень много нонче воров развелось в карманах—ласково обратился он к высокому прыщеватому соседу. Тот помолчал.

Трутся, знаете-ли, около какого-нибудь гражданина, а потом часы, или там кошелечек, как корова, языком слизала.

— Вот, к примеру, как сейчас, — продолжал он,—самое для них, стервецов, удобное время. И чихнуть не успеете.

— Сосед заволновался, затрепыхался и, не отвечая, стал пробираться к выходу. Подошла кондукторша: „ваш билет?" Кудрякин полез в карман, побледнел, схватился за другой карман—бумажника не было, не было и часов. Кудрякин вспомнил соседа, прорвался сквозь толпу и с криком: „Обокрали, держите его!" — выскочил из трамвая. Соседа по площадке нигде не было видно. Вместо него Кудрякин наскочил на постового милиционера, ласково сообщившего ему:

— Полтинник с вас, гражданин, за прыганье? „Какой там к чортовой бабушке полтинник, обокрали, братишка, начисто, понимаешь обчистили. Высокий такой прыщеватый. Вот так я стою, вот так он. Рублев сорок в кошельке, да часы с цепочкой".

—Подозрение на кого, имеете?.

— Да говорю-ж тебе русским языком, высокий такой спер и убег.

Постовой развел руками.

— Ничего в таком разе сделать не могим. Разойдитесь, граждане.

Кудрякин обиделся:—То-есть, как так не можешь? А для чего ты здесь поставлен-то, как не граждан охранять, что? Думаете, за торговками гоняться, да за трамвай штрафовать, только и делов? Нет-с, извините. Твоя это обязанность есть прямая.

— Постовой, опять пожимая плечами, повторил:—Граждане, разойдитесь и вернулся к своим обязанностям.

Кудрякин остался один. Идти никуда не хотелось, и он медленно зашагал домой. Все казалось неинтересным: и шумная улица, и пальто с каракулевым воротником. Хотелось, чтоб воскресенье скорей кончилось. И только подойдя к своему посту, Кудрякин вдруг выпрямился, улыбка заиграла на честном Кудрякинском лице, и мир снова показался прекрасным: на углу Лиговки и Просп. 25 Октября инвалид папиросник, увидя Кудрякина, закричал: „Мильтон хряет"—и весь вольный рынок, схватив свои лотки и теряя яблоки, папиросы и апельсины, сбежал на другую сторону.

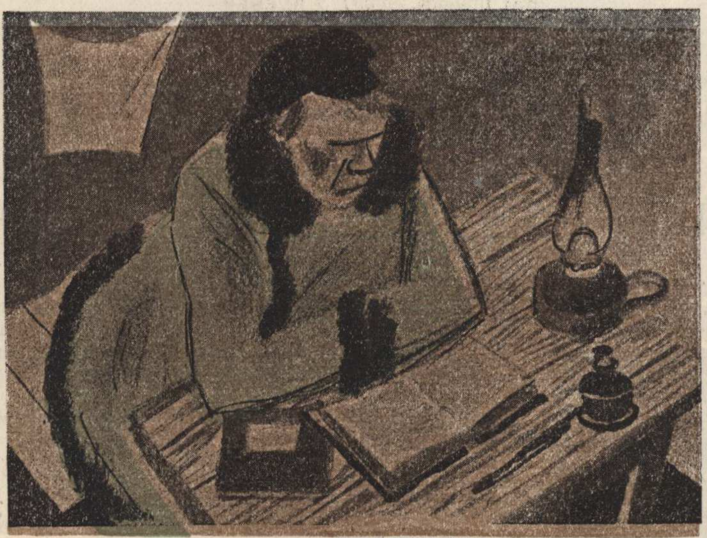
Больше в свободные дни Кудрякин из дому не выходит.

Г. Стэффен

ГРАНИТ НАУКИ

Рис. Л. Бродаты

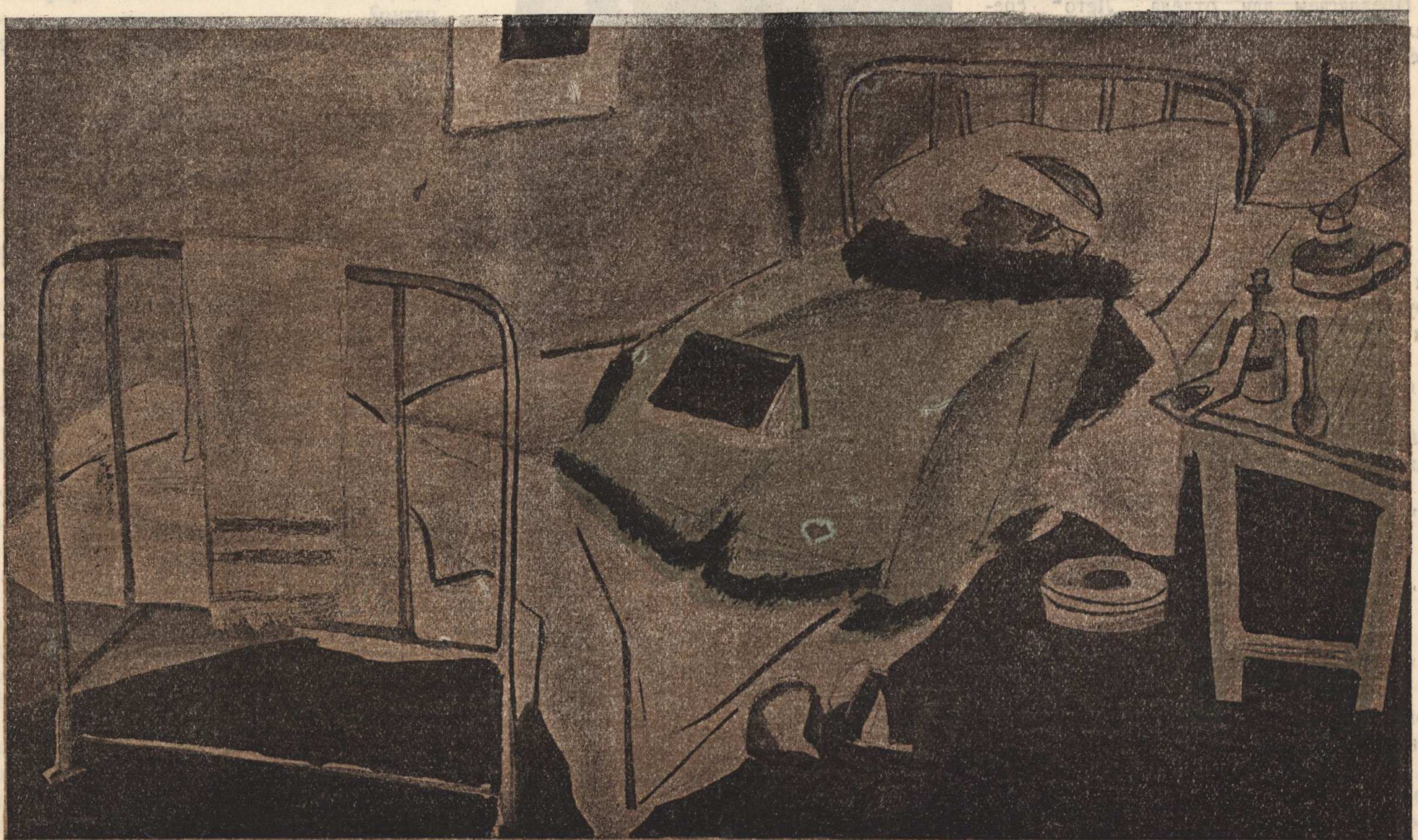
Возбужден вопрос о 10-ти часовой учебной нагрузке студентов.

ТЕРПЕНИЕ

И ТРУД

ВСЕ ПЕРЕТРУТ.

40 ЛОШАДЕЙ И 8 ЧЕЛОВЕК

ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ ИЗ ТУЗЕМНОГО БЫТА

Живут на севере, скажем, в Нарымском крае, веселые туземцы — заготовители племени Госторга, „Сырье“ „Расо“ и прочих Госорганизаций. Туземцы-купцы охотятся за туземцами-охотниками, туземцы-охотники изредка охотятся за пушниной.

Охота заготовителей сжато описана в Томском „Красном Знамени“:

Эта охота принимает более или менее веселые формы, когда, сообразно темпераменту агентов, они в той погоне за промышленником и имеющейся у него пушниной, взаимно подставляют „ножку“ друг другу, „подсиживают“, агитируют... Бывает, что какой-либо агент „Сырье“, опередивший „в беге“, натыкается на юрту остяка, ушедшего на промысел. *Предприимчивый молодой человек* (к сожалению, фамилию его не удалось узнать) преспокойно *забирает имеющуюся в доме пушнину и цедит сквозь свои великолепные зубы:*

— Пусть хозяин придет, для учинения расчета.

Ларьегонские самоеды, живущие вблизи верховьев реки Таза, были встречены на пути в юрту Ахтиурья по реке Ваху, агентом „Сырья“ Кайдаровым. Любезно зазвав *их к себе, этот находчивый человек закрыл двери и не выпускал их до той поры, пока опьяненные от самогонного угощения самоеды не продали ему за бесценок почти всю имеющуюся у них белку.*

Недурная картинка.

Настоятельно рекомендуем товарищам из центра съездить в Нарым не на 5 лет, а хотя бы на две недельки!

„КТО СЛЕДУЮЩИЙ?“

Перегрузка нашего парт-актива явление общественное. Оригинальный способ борьбы с перегрузкой изобрел некий комсомолец в Архангельске:

Я комсомольский активист. Нес обязанности в трех губернских органах. Помимо нагрузки с их стороны, меня нагружали райком комсомола, райком партии и ячейки.

В октябре 25 года мне пришлось сменить основную работу. Времени потребовалось больше. Получился скандал. Звонят — некогда, извещают повесткой — некогда. Ругаются. Обещают дело передать в райком, или в губком.

Я объявил бойкот всем комиссиям, всем заседаниям и совещаниям. И решительно заявил, что посещать их не могу.

Увидели, что толку от меня нет. Начали разгружать. Только в результате упорной борьбы с „грузчиками“ я добился того, что они сдались.

Теперь работаю только в одной комиссии. Райкомы нагрузки не дают. Регулярно посещаю партийные и комсомольские собрания.

Отнюдь не рекомендуя вышеуказанного способа, „Смехач“ должен отметить еще одно преимущество правильной нагрузки перед перегрузкой: *уважаемый товарищ благодаря изобретенному им способу получил, наконец, возможность „Смехач“* (на 1 мес. 60 коп., на 3 мес. 1 руб. 70 коп.) *от доски до доски прочитывать*

НЕПОЛНАЯ СТАТИСТИКА

На съезде Орловской кооперации выяснилось, что

За двести дней произведено *115* ревизий.

К сожалению съезд не выяснил цыфры обнаруженных растрат за то же время.

Редкий случай, когда можно было-бы, не беря цыфр, с потолка, честно взять их... со скамьи подсудимых.

ОРЛОВСКИЕ РЫСАКИ

Вот он, прогресс техники!

Читаем в „Орловской Правде“:

18 января между 3-5 часами дня из комнаты радиостанции губсовпартшколы похищены радиоприемник, четырехламповый усилитель и громкоговоритель.

А радиостанция цела? А губсовпартшколу не свистнули? Ну, и слава богу! Никто, как бог... если милиция спит.

ДЛЯ ХРЕСТОМАТИИ

Составители хрестоматий нередко группируют материал по отделам: Весна, Лето, Осень, Зима.

Предлагаем для отдела „Лето“ специальную заметку, взятую из Владимирской газеты „Призыв“:

О ЛЕТЕ

— Когда отремонтируете печи в классах?—спросили фабзайчики заведующего лакинской школой.

— Летом,—был мудрый ответ.

Фабзайцы мерзнут в школе и лета ждут.

Вопросы: Что такое печи? Для чего они ставятся в классах? Когда они ремонтируются? Что делают фабзайцы? Чего они ждут?

Народные пословицы: У классной печки не согреешься. У фабзайчика зуб мудрости на-зуб не попадет. Заведующих лакинской школой не жнут, не сеют — сами родятся.

„ЦЫГАНЕ ШУМНОЮ ТОЛПОЙ“...

На ст. Ундол очень часто приезжают цыгане и прочно обосновываются в вокзале, где весь пол устилают своими постелями. Пассажирам нет места ни посидеть, ни постоять. Цыганята пристают к публике.

Тут-же что-то вроде родильного приюта. (Владимир, „Призыв“).

По этому случаю было бы уместно пропеть какую нибудь популярную цыганскую песенку, чтобы за душу хватала...

Но не можем припомнить подходящей. Ограничиваемся не менее популярным рабкоровским романсом:

„Саннадзор, поднапри! Эх, ну, еще раз поднапри!“

ПРОКЛЯТИЕ

Рис. Б. Малаховского

— Эх, ты, бутылка подлая! Чтоб тебе пусто было!

ТУДА И ОБРАТНО

На станции Амазар, Забайк. ж. д., была подана такая телеграмма:

УЛЯТКА, ДС

Немедленно командируйте одного из ваших ДСП на станцию Улягирь вместо умершего Селенгина которому депеша служит билетом оба конца.

Если автор телеграммы (ДП-З) верит в загробную жизнь, тогда понятно его желание снабдить покойника документом для бесплатного проезда на тот свет.

Но зачем же — в оба конца? На тот случай, если покойник пожелает вернуться обратно?

Но об этом даже живая церковь не брешет.

АНГЛИЙСКАЯ ПРОВОЛОКА И СОВЕТСКИЕ...

Наша пресса очень хладнокровно сообщает:

АНГЛИЙСКАЯ ПРОВОЛОКА

Недавно госторгом была приобретена за границей партия проволоки. Проволока дала свыше 75% брака.

Действительно! Вот те и хваленая Англия! Этакую скверную проволоку делают, дураки!

Позвольте, а купил-то ее кто? Госторг? Этакие умники!

ЕЩЕ О РАКЕ

Новое завоевание медицины:

МИКРОБ РАКА

15 февраля в заседании микробиологического общества в Берлине, проф. Шумахер, известный своими исследованиями по борьбе с раком, сделал доклад о найденном им микробе рака. Микробы эти заметны при 60-кратном увеличении и имеют форму латинской буквы С.

Теперь остановка за „выявлением“ микроба пивного рака.

Удивительно подлый это микроб: даже при 100-кратном увеличении пивной продукции не узнаешь, форму ккаой буквы он имеет. Одним словом,—ни „бэ“, ни „мэ“!..

В ПУТИ

Стих я начал в такт колесам.
Мой сосед с курносым носом,
Взгромоздясь на свой насест—
Неустанно ест и ест.

Рядом „матка" Секлетея
За чайком сидит, потея.
Может вылакать бадью,
Сразу видно—попадью!

Разговорец обыденный,—
О спецставках жаркий спор,
Где-то марш гудит Буденный
Под гармошку в-перебор.

Говорят про богомолье,
Про попов, про комсомолье,
Про приданое невест,
А сосед—сидит и ест.

Промелькнуло много станций,
„Матка" лоснится от глянца...
Опросталось много мест,
Мой сосед—молчит и ест...

С ним я в Галиче простился.
На перрон сосед спустился,
По-гвардейски отдал честь
И—пошел в буфет поесть...

Мих. Андреев

ЯДЫ И ПРОТИВОЯДИЯ

I.

В беседе с одним завом я коснулся самой больной темы: о растратах.

— Я не боюсь растрат,—огорошил меня зав.

— Но вы, по всей вероятности, обезопасили себя страховкой в Мосстрахе? — как можно мягче, спросил я.

— О, нет! Зачем платить лишние страховые взносы и, быть может напрасно, когда можно устроить все гораздо дешевле и проще...

— Очевидно, у вас надежный и преданный кассир, если вы так говорите...

— Надежный? Да! Но, чтобы сказать—преданный... гм!

— Тогда, я не совсем понимаю вас...

— Все очень просто. Я уже сказал вам: нужно взять такого кассира, который бы...э-э... ну, органически, что-ли, не мог растратить!

— Органически? Да где вы найдете такого?

— Сколько хотите! Я взял безрукого кассира.

— Безрукого?!

— Вы удивлены, что и не безногого? Дескать, чтобы и скрыться не мог! Нет, опыт показал, что довольно и безрукого... Ведь руки—орудие растрат. Если это орудие отсутствует, то.. Не может же, в самом деле, кассир растратить... ногами!

— Согласен! Однако...

— Другие, скажете, могут помочь? У меня, батенька, порядок такой: приходящий в кассу платить или получать—сам оперирует с деньгами! Вы можете себе представить, с какими алчно-стерегущими глазами наблюдает кассир за этакой операцией. Да разве позволит он кому бы то ни было недоплатить, или переврать? Да он горло, кажется, перегрызет...

— Н-да...

Это—все, что я мог возразить!

II.

— У меня ни одного царского гривенника,—сказал мне начальник одного почтового отделения, где установлен автомат для марок.

— Как же вы этого достигли?—усумнился я.

— Да путем наступления на обывательщину...

— Наступления?

— Именно! Совать царские гривенники в автомат—обывательщина. Согласны? Ну, а вот я—наступлением на нее действую! Автомат хотят обмануть. Я опережаю. У меня—автомат обманывает!

— Как же он может обмануть?

— А так: автомат выдает марку и три копейки сдачи за опущенный гривенник. Предполагая, что опустят обязательно царский гривенник (насчет пуговиц теперь — слабо, дороги перламутровые пуговицы!) я заряжаю автомат гашеной маркой и николаевским троячником.

— Позвольте, но если...

— На „если" у меня свое—если! Я заряжаю не одними гашеными марками, и не одними порчеными троячниками, а вперемежку: гашеная марка, и—хорошая; негодная сдача, и—настоящая... так! На автомате я вешаю следующее объявление: «Граждане! На каждый царский гривенник — автомат вам ответит гашеной маркой! Испробуйте! За хорошие деньги вы получите и марку, и сдачу,—что надо!»

— И вы думаете...

— Что мне думать! Сам опыт говорит за себя! Автомат работает—второй месяц. Только три дня я заряжал его вперемежку... на четвертый день пришлось заряжать самым обыкновенным образом, и... ни одного царского гривенника!... Я даже благодарность от начальства имею!

Я подумал:

— Еще-бы!

Борис Перфилов

ПОЛОЖЕНЬИЦЕ

Началось массовое обследование *бюджета времени* Ленинградских учителей с целью выяснения степени их перегруженности.

Рис. Б. Антоновского

— М-да! По бюджету теперь самое время пообедать пойти—да вот только бюджет не позволяет!

В СТРАНУ ЧУДЕС!..

Вопрос о переводе некоторых учреждений из Москвы в Ленинград решался 100 раз... и безрезультатно.

Счетовод „Института здоровой мысли“ Куфаркин пришел домой пьяный от счастья и грёз.

— Жена! Соня! — хрипло заорал он, забывая даже снять галоши.—Ура! Нас в Ленинград переводят! Весь институт!!

Жена побледнела:

— Не может... быть! Ведь уже семь раз переводили!..

Куфаркин захохотал:

— Ха-ха-ха! Мало-ли что: тогда только хотели перевести, да потом раздумали, а теперь решили! Комиссия решила!

— Это значит...—начала жена и заплакала.

— Это значит,—подхватил Куфаркин,—целая комната на двоих!

— Этого не бывает... Не... не дурачься, Вася...

— Дура!—рассердился Куфаркин.—А я говорю, что бывает! Там, в Ленинграде, все бывает... Там даже,—он сделал серьезное, торжественное лицо, — даже уборная без очереди! и кухня!..

Вечером жена сидела у соседки и шушукалась:

— Вот, милая, и сбылось... Недаром я в ноябре Эйфелеву башню во сне видела... Семь раз отрежь, один примерь—говорится. Так и вышло. Сразу такого дела не решишь!

Соседка слушала, завистливо облизывала сухие губы и кивала головой.

— Еще бы! Это не куда-нибудь там, на северный полюс ехать,—в Ленинград! Шутка сказать! Там, говорят, на человека по комнате приходится!

— Ну, мало-ли что болтают,—вздохнула Куфаркина,—говорят, что на луне разные граждане живут, а кто их видал? Наврать все можно!

— Уборные, говорят, тоже без очереди!

Куфаркина приняла гордый вид. Она решила соврать.

— Муж говорил,—процедила она сквозь зубы, небрежно,— что у нас будет комната, а в ней прямо уборная, собственная! Безо всякой очереди,—пожалуйста!

Соседка всплеснула руками.

— Душечка, — простонала она, — но ведь это же сказка из тысяча одной ночи! Феерия!..

Куфаркина видела, как остро и мучительно завидует соседка, и решила удивить ее своей любезностью:

— Дарья Васильевна, голубушка, вы, пожалуйста, не стесняйтесь, ежели что... Приезжайте. Я всегда, всегда готова предоставить вам наши удобства безо всякой очереди! Слава богу, не первый день знакомы!

— Спасибо, спасибо! Надо будет Митькиным сказать,—они лопнут от зависти! У них одна уборная на 43 человека!

Соседка подсела ближе, сделала сладкое лицо и зашептала:

— Вот что, дорогая моя, если уж выпадет вам такое неземное счастье,—не забудьте нас с Гришей и ребятишками: уступите вашу комнату? А на нашу комнатушку я уже запишу Даниловых,—пускай их!

— Пожалуйста, — снисходительно согласилась Куфаркина.— Мне не жалко. Даже можете пользоваться нашей очередью на кухню и уборную—двадцать-третьими... А Даниловы разве недовольны своей квартирой?

— Дорогая, да ведь у них пол-комнаты на четверых, не считая бабушки и котёнка!..

Разговор этот имел особые последствия.

Дарья Васильевна обещала свою комнату Даниловым, Даниловы свою — Жеребятниковым, Жеребятниковы — Бергам, Берги—Кусачкиным, Кусачкины—Блускину, Блускин—Петренко, Петренко — Рабиновичу, Рабинович — Тесаковым, а Тесаковы, которые нигде не жили, а ждали комнату, обещали что позволят ждать ее Мите Фефелову—он же ничего не ждал, а ночевал в ванной какого-то общежития...

Все эти люди, обезумевшие от надежд, с возбужденными лицами, ежедневно навещали Куфаркиных и спрашивали:

— Скоро?!

А мадам Куфаркина на время оставляла укладку вещей и выходила в коридор. Гордо, свысока она оглядывала эту жадную толпу и цедила сквозь золотой зуб:

— На-днях мы надеемся вас удовлетворить! Имейте же терпенье! Такие вещи с неба не падают!

Толпа вздыхала и расходилась...

Жизнь шла своим чередом. Комиссии заседали, на уборные стояли очереди, Митя Фефелов был выселен из ванны и ночевал на чердаке какого-то архива.

Солнце всходило и заходило.

И вот однажды, когда оно зашло, пришел домой Куфаркин. Он был бледен и тяжело дышал. В глазах у него застыло отчаяние, на губах—гримаса нечеловеческой боли...

Он протискался сквозь толпу ожидающих в коридоре и ввалился в комнату.

— Жена!—простонал он, роняя шапку.—Со-ня... Все кончено!.. Коммиссия...

Он не договорил и зарыдал.

Комиссия решила: „Институт здоровой мысли“ не переводить.

И опять солнце всходило и заходило.

Как-то, когда у Даниловых уже умерла бабушка, а у Рабиновичей родился четвертый ребенок, которого приходилось укладывать в шифоньерку, а Митя Фефелов ночевал в будке киномеханика, Куфаркин пришел домой пьяный от счастья и грёз.

— Жена! Соня!—хрипло заорал он, забывая даже снять галоши.—Ура! Нас в Ленинград переведут! Весь Институт!

Жена побледнела:

— Не может... быть! Ведь уже восемь раз переводили!!

— Ха-ха-ха!—загоготал Куфаркин.—Мало-ли что: тогда только хотели перевести, да потом раздумали, а теперь решили!

— Это значит...—начала жена и заплакала.

Через день толпа знакомых уже теснилась в коридоре. И Рабинович, который ждал пятого ребенка, стучался, в качестве уполномоченного, в дверь комнаты Куфаркиных и спрашивал:

— Ну, теперь скоро?!..

. . . .

Дорогие читатели, щадя автора и бумагу, благоволите сами продолжать эту повесть. Прервёте-ли вы ее на том месте, где Куфаркины радуются предстоящему переводу, или на том, где они скорбят о несостоявшемся переводе,—вы одинаково угадаете.

Ибо—в году 365 дней, а каждые $3^1/_2$ дня комиссия перерешает вопрос о переводе „Института здоровой мысли“.

Если вы не угадаете ее сегодняшнего решения, вы угадаете — завтрашнее.

Впрочем, по последним сведениям, „Институт здоровой мысли“ окончательно решено не переводить,—по той причине, что он закрывается.

Э. Гард

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

*

Дмитрий Морской в журнале „Молодая Гвардия“ (№ 8—9) описывает радостную встречу отца с сыном после долгой разлуки:

> ...А сам, воркуя точно голубь,
> Пригнется к ягодным кустам,
> И сизого ворчливый голос
> Мне льется молоком в уста.

Голос льется в рот, д аеще молоком!?.. Очевидно, поэт забыл мудрое правило: „Слушай ухом, а не брюхом“.

*

Ил. Полтавский в „Вечерней Москве“ (№ 25) характеризует небезызвестного А. В. Пешехонова:

> Воистину „кошке хвост завязать“—и то для людей его типа—задача чрезмерная.

Правильная характеристика! Только спрашивается зачем кошке хвост завязанный? Кобыле—это дело другое!

*

„Курица — не птица, баба—не человек“—говорили в старину. Теперь, может, и не говорят так, но зато пишут. По крайней мере, в „Н. Вечерней Газ.“ (Ленинград) читаем про одни выборы в совет:

> И в результате — в совет избрано 18 коммунистов, 13 беспартийных, и 8 женщин.

Комментарии, как говорится, излишни.

*

Уж сколько раз писали, чтоб наши писатели употребляли русский язык, а не смесь французского с нижегородским. Все напрасно! В „Труде“ (43)—органа ВЦСПС, читаем:

> Но какой смысл имеет постановка „Всенощной“ Рахманинова—произведения слабого, сборного, „электрического“?

„Электрического“? Хоть тут вопрос и о всенощной идет, но, кажется, сам чорт ногу сломит. Верно, автор хотел сказать „эклектического, что-ли?..

В выпечке тараканов Ленинградская „Красная Газета“ (Веч. вып.) даст сто очков любой хлебопекарне.

Что ни номер, то и таракан по́мер!

О восстановлении Одесского театра сообщает собств. корр.:

> ОДЕССКИЙ ТЕАТР ОТСТРОЕН
>
> ОДЕССА, 26. На-днях состоится торжественное открытие восстановленного Одесского театра им. Луначарского, сгоревшего в прошлом году. На открытие ожидается приезд Луначарского.

Странно! Если человек сгорел в прошлом году, то как же может приехать в Одессу?

О Московской музыкальной новинке—

> Предстоит в ближайшем времени выход в свет интереснейшего 2-го тома „Истории русской музыки в исследованиях и материалах“, под ред. проф. К. А. Кузнецова, посвященного Глинке.

Откуда газета взяла, что профессор Кузнецов посвящен Глинке? Не слыхали что-то.

И, наконец, самый главный—

> ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ УРОД
>
> В о-ве детских врачей, проф. Владыкин сообщил об исключительном случае врожденного уродства—хвостатый ребенок, который имел место у него в клинике.

Скажите пожалуйста! Какой-то несовершеннолетний—и в газете описан подробно (читай дальше:

> Ребенок этот родился от здоровых родителей. У него отсутствовало заднепроходное отверстие. Когда ему решили сделать искусственное, то ни как не могли найти конца кишки... и т. д),—

и в клинике место имел! А всё потому, что родился с хвостом, но без отверстия и без конца кишки.

А какой нибудь совершенно исправный безхвостый безработный ходит и ходит без места. И в газете о нем не пишут.

*

И. Бабель рассказывает о похоронах эскадронного Трунова:

> *... И в два часа по соборным часам дряхлая наша пушчонка дала первый залп... Мы положили кавказское седло у изголовья гроба и вырыли Трунову могилу... Я тронул губами прояснившийся лоб, обложенный седлом...*

(„Любка Козак“, рассказы, из-во „Огонек“).

Объясните, тов. Бабель, как это одна пушка могла дать залп и как вы ухитрились обложить седлом лоб покойника?!

*

Из 6-го номера газеты „Кино“ узнаем,—как снимались „Нибелунги“:

> Съемка леса происходила *ночью в летний день.*

И дальше автор заметки вопрошает:

Кто бы поверил, что „непроходимый лес“ был создан в течение 4—5 дней!“

Мы поверим, дорогой автор. Отчего бы не поверить? Эка, подумаешь, невидаль—непроходимый лес!

А *летний день ночью* — это вам что? Эго, милый,—бревно, заслоняющее всякие кино-сучки.

*

Из мира газетных объявлений (омская газ. „Рабочий Путь“):

> **ПРОДАЕТСЯ**
> **пошадь, жеребец, 6-ти лет.**
> ВИДЕТЬ МОЖНО ЕЖЕДНЕВНО В ЧАСЫ ЗАНЯТИЙ В ТИПОГРАФИИ „РАБОЧИЙ ПУТЬ“.

Эх, жаль, дорогие омичи: далеко до вас!

А то бы обязательно съездили всем „Смехачем“—поглядеть на этого изумительного жеребца, занимающегося ежедневно в типографии. В своем лошадином роде—первопечатник!

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

9-м ВЫПУСКОМ НАШЕЙ ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ВЫХОДИТ „ЗАПИСНАЯ КНИЖКА“

О. ГЕНРИ

Сюда вошли миниатюры изумительного американского юмориста—маленькие шедевры первых лет его писательской деятельности, ароматные полунамеки, мимолетные зарницы—предвестники будущих молний.

Впрочем, чего это мы? Да одно имя Генри говорит само за себя!

Посмотрите на лицо тончайшего юмориста Америки. Вглядитесь в его черты. В этих мужественных линиях поэта-ковбоя, певца далекого Запада—обещание творческой радости, обещание, которое он сдерживает каждой написанной им строчкой.

Правда, к моменту выхода №-ра мы не успели отыскать портрета О. Генри и вклеили взамен карточку его переводчика, А. д'Актиля. Но все равно! Разве суть в лицах? „Мы служим делу, а не лицам!“ — можем мы гордо воскликнуть вместе с тов. Грибоедовым.

Закончим бодрым призывом:

— Все на борьбу с безграмотностью! Встаньте лицом к деревне, иначе деревня станет к вам лицом! Цена отдельного выпуска 15 коп. При одновременной подписке на журнал и библиотеку,— за два выпуска—двугривенный. Кто следующий?

Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

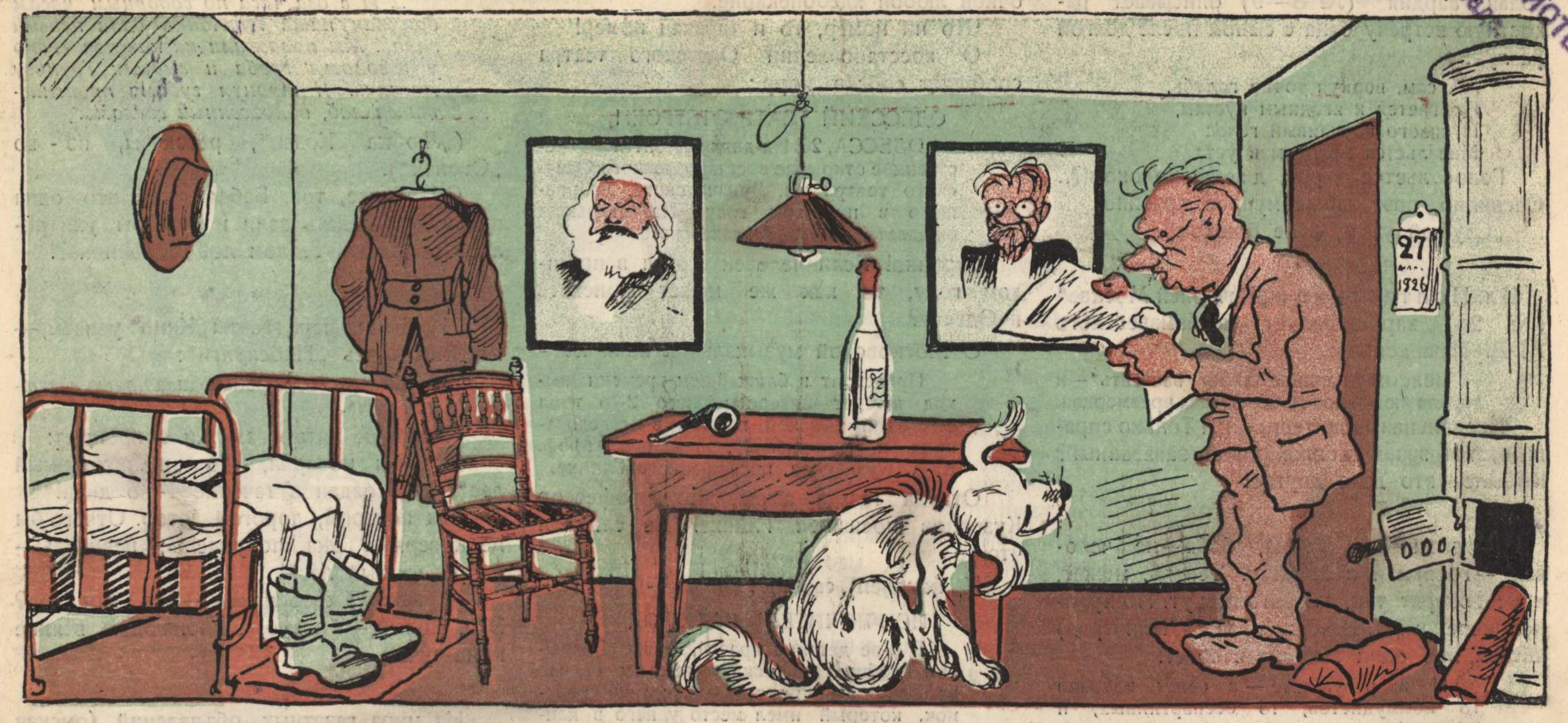
Ленинградский Гублит № 12.356. Типография „Инвалид Печатник“, Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 70.000 экз

СИЛА ОМОЛАЖИВАНИЯ

(Страшная история завтрашнего дня)

Рис. Н. Радлова.

Институту экспериментальной медицины разрешено открыть массовое производство жидкости для омолаживания. („Кр. газ.")

— Довольно!—сказал управдел Грунтиков.—Начнем жизнь сызнова! Ежели теперь взять этой самой жидкости копеек на 50...

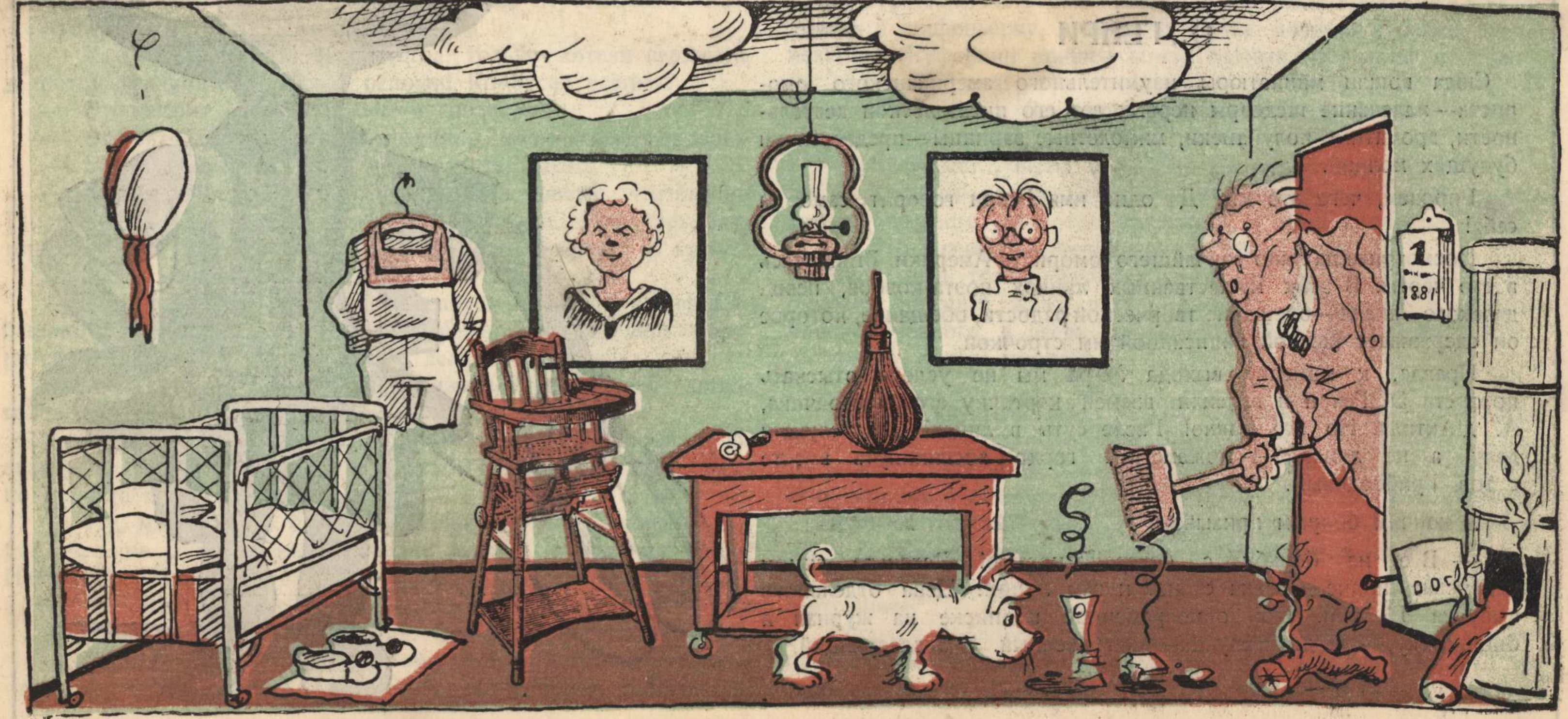
— Только будьте осторожны,—сказал аптекарь.—Храни господь, не уроните. Сила омолаживания означенной жидкости катастрофически велика.

Эх, не надо было предупреждать управдела Грунтикова! Все от предупреждения и вышло. Тряссся, трясся—и дотрясся: споткнулся на пороге комнаты.

Побежал за шваброй управдел Грунтиков... „Господи, скорей-бы! Не опоздать..."

Однако, опоздал. Прибежал со шваброй, а все уже омоложено—только облачки пара вьются под потолком!